

ТЕМАТИКА И ИДЕЙНО-ПРОБЛЕМАТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЦИКЛА «В ГОЛОДНЫЙ ГОД» В.Г. КОРОЛЕНКО

Любова Олеся Валерьевна
студент

Катаржнова Дина Николаевна
студент

Белгородский государственный университет, Белгород

Аннотация. В работе дана характеристика очерковому циклу «В голодный год» с точки зрения тематики и проблем, поднимаемых автором. Это произведение представляет собой дополненные и переработанные дневники и записки, составленные автором после благотворительной работы в Лукояновском уезде. Помимо того, что писатель говорил о природных предпосылках голода, еще одной причиной этого несчастья он считал нищету крестьян, выросшую из малоземелья. Владимир Галактионович хотел обратить внимание на «невозможное положение земледельческого народа». В цикле мы чувствуем и эмоции автора – сопереживание, заботу, печаль, желание помочь, повернуть эту беду вспять. Но, несмотря на то, что Короленко довольно эмоционален, он не слеп. Цикл очерков «В голодный год» несет в себе острую социальную направленность: все, что обличает писатель – проявления всевластья и произвол чиновников, равнодушие властей к положению народа насущно и в современном мире.

Ключевые слова: очерк, цикл, В.Г. Короленко, голод, бюрократизм, земельная реформа.

THEMATIC AND IDEOLOGICAL-PROBLEMATIC DIRECTION OF THE CYCLE «IN THE HUNGRY YEAR» V.G. KOROLENKO

Lubova Olesya Valerievna
student

Katarzhnova Dina Nikolaevna
student

Belgorod State University, Belgorod

Abstract. The paper describes the feature cycle «In a hungry year» in terms of themes and problems raised by the author. This work is a supplemented and revised diary and notes compiled by the author after a charitable work in Lukoyanovsky district. In addition to the fact that the writer spoke about the natural prerequisites for hunger, another reason for this misfortune, he considered the poverty of the peasants, who grew up from lack of land. Vladimir Galaktionovich wanted to draw attention to the «impossible position of the agricultural people». In the cycle, we also feel the author's emotions - empathy, care, sadness, the desire to help, to reverse this misfortune. But, despite the fact that Korolenko is quite emotional, he is not blind. The cycle of essays «In a hungry year» bears a sharp social orientation: everything that the writer exposes - manifestations of all-power and the arbitrariness of officials, the indifference of the authorities to the position of the people is urgent in the modern world.

Keywords: essay, cycle, V.G. Korolenko, famine, bureaucracy, land reform.

Цикл очерков «В голодный год» принадлежит нижегородскому периоду жизни Владимира Галактионовича. Произведение было восстановлено по записям писателя, которые он производил в поездке по уездам и волостям Нижегородской губернии. Вот как пишет об этом сам автор: *«Это – мой дневник: факты, картины, мысли и впечатления, которые я, усталый и порой глубоко потрясенный всем, что доводилось видеть и чувствовать за день, заносил вечером, по старой профессиональной привычке, в эту истрепавшуюся дорогой книжонку, где-нибудь в курной избе, в гостинице уездного города, в помещичьей экономии. Восстанавливая их теперь, я надеюсь, что они не лишены некоторого интереса. Пусть это неполно, сбивчиво, необработано и нецельно. Зато – это прямое отражение той самой жизни, которая, со всеми своими парадоксами, проходила перед моими глазами...»*. Пытаясь привлечь внимание общественности, Короленко, тем не менее, не сгущает краски, рисуя чудовищные картины голодных деревень ради достижения своей цели. Об этом оно говорит в самом начале: *«Я знаю, что, прочитывая мои листки, читатель будет, пожалуй, не раз спрашивать с таким же удивлением: а где же голод? голод, который должен потрясти, ошеломить, вывернуть человека наизнанку? Голод, это – когда матери пожирают своих детей», – писал еще недавно один господин. При Борисе Годунове матери, действительно, ели детей; на базарах, по свидетельству историков, продавали порой человеческое мясо; три женщины в Москве заманили мужика с дровами во двор, убили его, разрубили на части и посолили... Вот голод! С этого времени мы прожили почти три столетия, но и тогда напрасно было бы подозревать каждую мать в пожирании детей, и не каждый мужик с дровами подвергался опасности быть убитым и съеденным, а если бы тогда были корреспонденты, то и им пришлось бы отмечать факты далеко не на каждом шагу»*. Мастер слова, он просто и ясно передает ту атмосферу, ту жизнь. Каждый очерк – как репортаж с места происшествия. Да ре-

портаж такой, что с первых строк выдергивает читателя из реальности и возвращает почти на два столетия назад. Но то ужасное бедствие, которое было очевидно для Короленко и для жителей деревень, для власти, чиновников долгое время не было ни проблемой, ни, тем более, бедой. *«Господа мы давно уже слышим это нытье и печалование о нужде и грозном голоде. Мы слышали это уже и прошлой весной в нашем уезде. Знаете ли, как мы распорядились (с ударением и расстановкой): не дали ни зерна, никто не умер, и поля оказались засеянными».* Торжествовали власти, обвиняя самих крестьян виновниками своих бед. Ведь «мужики» представлялись сплошь пьяницами и лентяями. Короленко рассказывает о *«письме Фета в котором он делился с редакцией и с публикой о мужиках той местности, где находится его имение».* Господин Фет рассказывал, что мужики абсолютно не хотят работать, хотя работу предлагают с приличной оплатой и весьма не тяжелую, но крестьянин говорит: *«Я по миру отправлюсь и наберу рубль в день, и лошадь накормлю, да еще и водочки выпью».* Короленко возмущен этой пропагандой лжи и искусственно и довольно искусно создаваем образом нетрезвого разгильдяя-попрошайки. *«Голод, голод! Но почему же он (мужик) не идет на работу? – А он не идет? – спросил я.*

– Боже мой! Да разве вы не читали?

– Господина Фета?

– Не одного Фета, вообще... Нужны рабочие на железной дороге, – господин голодающий не желает. Нужно расчистить леса, – господин голодающий находит для себя неудобным». Эта клевета, конечно, была развенчана, но как, почему такие слухи вообще стали возможны? Вероятно, и об этом говорит и сам автор очерков, это отголоски крепостнического строя, где крестьянин не представлялся человеком как таковым. А значит, у него не могло быть и проблем, как не было ни прав, ни свободы. К несчастью голодающих крестьян прибавилось еще одно – неверие. Именно неверие, потому что, порой, читая строки очерков, дума-

лось, что «господа», которые могли и должны были помочь «мужикам» упорно не хотели понять и принять того, что народ действительно нуждался в помощи. Опасаясь, вероятно, за сохранность своего капитала – вдруг же подали бы ленивому пьянице(!) – и плодили они все эти рассказы о том, как нетрезвые люди сжигают остатки запасов. Чувство пренебрежения, которое источали все те же «господа» ощущается явно. Проблема безалаберного и пренебрежительного отношения к крестьянам чувствуется в каждом из очерков цикла. Складывается ощущение, что народ должен был постоянно доказывать то, что он голодает. Только какие еще доказательства нужны, если были и нищета, и смерть, и чудовищные болезни, которые породил голод. *«Я говорил уже много раз, что не стану гоняться за раздирательными сценами и эффектами голода. Для человека с душой, для общества, не окончательно отупевшего, достаточно и того, что сотни детей плачут, болеют и умирают, хотя бы и не прямо в голодных судорогах, что тысячи человек бледнеют, худеют, теряют силы, наконец, разоряются из-за голода...»*, – пишет автор.

Несомненно, особое внимание уделял Короленко «политиканскому крепостничеству». Это было похоже на какой-то негласный сговор против народа, «вымаривание», как говорит Короленко. Вымаривали не только не давая пищи, но и всячески подавляя людей. *«Народ от «законных» жалоб отучали долго и успешно»*. Крестьян приучили (странно это слово использовать по отношению к человеку) смиряться и терпеть. *«В их голосах слышно в одно и то же время и желание сказать нечто, выручить деревню, выпросить нечто для мира, и готовность отступить при первом признаке грозы, которая может настичь прежде всего именно их. Говорят они почтительно и даже с лицемерным смирением»*. При таком положении дел, Владимир Галактионович видел для крестьян большую опасность. *«Опасность, во-первых, в народном невежестве, которое по объему равно народному долготерпению»*.

Опасность, во-вторых, в огромной брешу, которую последние годы сделали в народном хозяйстве. «Крестьянство рушится», - эта фраза слышится теперь слишком часто...» Невежество хранит, вовсе не утаивая, большое зло. И не самое большое из всех зол – отсутствие, в большинстве случаев, какого-либо знания своих прав. Хотя, их-то, пожалуй, и не было. Никто не считался с «мужиком». Крестьянская реформа, которая должна была стать выходом из кризиса лишь вогнала народ в новый. Например потому, что наделы, полагавшиеся огромным семьям, были ничтожно малы и часто неплодородны. Но и их нужно было обрабатывать. Но другая сторона невежества, еще более коварная, хорошо видна по очерку о «зараженной деревне» Петровке, чьи жители были поражены сифилисом. *«Нет другой болезни, которая бы в такой мере служила мерилом культурности общества: мало назначить врача, нужно, чтобы он заслужил доверие, нужно, чтобы население само ему помогало, нужно, чтобы со всех сторон и во всех сферах жизни он встречал содействие и поддержку. У нас сифилис – потому, что мало грамотных, потому, что много суеверия, потому, что на дурную боль народ все еще смотрит, как на какого-то демона («она боль-те лукавая»), и боится ее, как злого духа, не боясь в то же время, как простой заразы».* И ведь такая Петровка не одна ни в уезде, ни в России. Но в том, что «заразе» дали разгуляться виноваты и врачи, рисовавшие «успокоительные картины», отрицая и голод, и голодный тиф, и тот же сифилис. Что это? Просто ли формальное отношение к своей должности или нравственное невежество, в самом худшем его проявлении.

Конечно, рассказывает Владимир Галактионович и еще об одном препятствии, которое наша страна не преодолела до сих пор. Это всем известный бюрократизм. В очерке «Нелей-Кирлейка. – О лесных общественных работах. – Кто прав и кто виноват. – В Салдамановском-майдане» пишет Короленко о крестьянах, ходивших за тридцать верст (а это в голодное время-то) на работу, за которую называли одну оплату, ра-

зумеется, большую, а рассчитали по другой, конечно же, меньшей. На людское «как так, говорим, ряды не сполняете?» отвечали: «Да ведь вот, говорят, стужа была, работы мало, расходу много... Книг еще нет...». «Книг не было», – это значит, что между двумя ведомствами (общественных работ и государственных имуществ) возникли пререкания: кому подписывать контракты и билеты на отпуск леса. Господин Пушкин, заведывавший всеми общественными работами, – отказался, г. Брокер не имел на это права, а лесное ведомство не могло отводить делянки без контракта. И все, Конечно, правы. Пока восемьдесят восемь человек крестьян ожидали конца этого «недоразумения», – оказалось, что г. Брокера сменили, потом сменили и г. Пушкина. Господин Введенский, преемник г. Брокера, все еще не знал, кому подписывать билеты. Пока шла Эта переписка, – рабочие уже были собраны, им была обещана одна плата, а рассчитаны они по другой, лишь бы оформить дело, лишь бы закончить период лесных работ, довольно долгий период – до их начала!». Это лишь очередное доказательство, что явление бюрократизма утрачивает истинные свои цели – содержательные, заменяя их чисто канцелярскими.

Но это все – тупое неверие и бесчеловечность, формализм и бюрократизм – «вершина айсберга». То, что читателю ясно с первых строк – поверхность того, что нужно менять в первую очередь. Его же основа – сам строй. Сам уклад жизни, который довел до голодания. Народническая доктрина, которая полагалась на крестьянскую общину, приписывая ей какой-то мифический образ – это иллюзия. Община та, которая представляется кому-то в воображениях и та, которая существует реально совсем друг на друга не похожи. Не нужно обладать какими-либо специальными знаниями, чтобы понять, что же довело крестьян до бедствия. Чуть позже Короленко напишет: «Начиная еще с декабря 1899 года, я сильно увлекся местными интересами. А местные интересы, по крайней мере, настоящего времени – это почти целиком хищения, хище-

ния, хищения». Постепенно урезая пособия, оставляя крестьян без земель, наделяли власти их новыми податями. Все брали, брали, ничего не отдавая. Не отдавая хотя бы того, что должны были. Короленко говорит: *«полумистическое представление о каком-то особенно народном «укладе», где богатый или средний член общины охотно и сознательно берет на себя бремя своего неимущего собрата, – увы! – только фикция. Факт состоит в том, что и в общине кипит уже разлад и антагонизм интересов, что теперь это явление проступает с особенной яркостью, что с ним надо считаться».* Но тот общественный строй все же полагался именно на общины, поэтому – то он и был хрупок. Основа, по сути, то – чего нет. Нет никакой «гармонии интересов», которые сидели в сознании чиновников и там, возможно, действительно гармонично все складывалось. В реальности все было иначе. Экономический строй нужно было менять. Не лечить старого калеку «чудодейственной силой общины», а распрощаться с ним во имя нового и будущего. Казалось бы, 30 лет прошло с момента крепостного права, но Короленко говорит об этом так, будто 3 дня, будто что-то должно еще измениться, устояться, а ведь за 30 лет уж должно было быть достаточно для этого: *«Освобождение крестьян представляет картину, набросанную широкою и мастерскою кистью. Но к картине придется еще вернуться для окончательной отделки. Она сильно нуждается в ретуши...».* Но ретуши не случилось. Зато случилась революция, с которой Владимир Галактионович тоже был не во всем согласен. И он об этом писал, опять же призывая внимание к интересам народа.

Чувства и мысли от цикла «В голодный год» самые разные. Жутко и больно от описаний голодных детей, которые обречены. Которым если не помочь сейчас, то завтра уже «нутро не принимает». Но вот это национальное терпение, которое становится похожим на патологию, боязнь обратиться к начальнику «через ряд», вдруг ведь ««и то, что есть, отымет» – это все наводит печаль. Получается, что для многих людей

крайней мерой было пойти просить милостыню. Но чтоб пойти просить своего начальника или что еще хуже, начальника над начальником – нет, такому не бывать. Есть, конечно, и доля вины народа в таком его положении. Но ведь все-таки постояли за себя кандрыковцы, не побоялись местных властей, не побоялись и губернатора. Ропот все же перерос в голос. Смерти и плач детей оказались все же страшнее. Значит, дух был все же крепок, хоть уже и шаток, значит была надежда. В каждом прочитанном очерке чувствуется печаль, иногда даже безнадежность. Владимир Галактионович с огромной тоской говорит о тех, кто был оставлен на волю судьбы. Порой Короленко пишет, что кажется ему, будто он дразнит людей своей крохотной помощью. Это, конечно, было не так. Ведь скольким детям и старикам помог он тогда. И не только самими столовыми. Ведь в некоторых деревнях ссуду, выдаваемую на семью, увеличили благодаря стараниям Владимира Галактионовича. *«Что ты, бог с тобой! Многие даже живы остались, которым бы без тебя прямо помереть надо. Богу за тебя молились»*, – говорят крестьяне Короленко.

Страшное время – не только война. Смерти – тоже часть жизни. Только как быть, если воевать приходится с людьми из-за имени в списке на бесплатный хлеб, и умирают далеко не от старости... *«Малый надел», «даровой» и «нищенский» наделы, – какие это знакомые, какие избиты термины по всему лицу нашего обширного, богатого простором отечества! А все-таки одного надо вычеркнуть, потому что их много... И я чувствую, что голова тяжелеет и нервы притупляются, и видишь, что вместе с делом помощи делаешь жестокое дело, потому что эта черта, проведенная по имени ребенка, заставляет его голодать и плакать. А нельзя, потому что их слишком много... Да, не дай бог другого такого года!..»*. Последние строки этого отрывка из книги, пожалуй, лучше всего могут передать и чувства автора, и всего русского крестьянства, пережившего голодный год.

Список использованных источников

1. В.Г. Короленко в воспоминаниях современников / под. ред. С.Н. Голубова и др. М.: Гослитиздат, 1962. 654 с.
2. Короленко В.Г. Собрание сочинений в 6 томах. Т. 5 / под. ред. К. Тюнькина. М.: Правда, 1971. 534 с.